

УДК 81'243

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-3-188-198>

Оригинальная научная статья

Особенности межкультурной коммуникации России и Китая: трудности и пути решения

Е. Ю. Сафронова , Ли Цзюньхун

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

 esafr@mail.ru

Введение

В статье рассматриваются основные особенности межкультурной коммуникации России и Китая в условиях интенсификации образовательных, деловых и гуманитарных контактов. Цель исследования состоит в выявлении наиболее типичных коммуникативных затруднений, возникающих между русскими и китайскими участниками общения, а также в определении способов их преодоления, поисков возможных путей решения. Показано, что недопонимание формируется не только на лексико-грамматическом уровне, но и в сфере невербальной семиотики, речевого этикета и национальных представлений о вежливости. Особое внимание уделяется различиям в интерпретации зрительного контакта, улыбки, паузы, форм обращения, а также дихотомии «прямота vs сохранение лица» (面子). Анализируется влияние конфуцианских ценностей на переговорные стратегии: ориентация китайской стороны на гармонизацию отношений, иерархию и долгосрочное доверие (гуаньси) нередко вступает в противоречие с русской установкой на открытость позиций и быстрый результат. Отдельно исследуются фонетико-фонологические помехи, псевдоэквиваленты и ложные ассоциации, порождающие эмоциональное напряжение в учебной аудитории и повседневном общении, а также этическая недопустимость публичной критики и ускоренной самопрезентации в китайской аудитории. Утверждается, что описанные различия не являются непреодолимым барьером: при целенаправленном включении культурно-прагматического компонента в языковую подготовку, развитии навыков метакоммуникации и привлечении межкультурных медиаторов зона «турбулентности» трансформируется в ресурс взаимопонимания и устойчивого делового партнерства.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Россия, Китай, речевой этикет, коммуникативные стратегии, невербальная коммуникация, фонетическая интерференция, улыбка, пауза, зрительный контакт, обращения

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сафронова Е. Ю., Ли Цзюньхун. Особенности межкультурной коммуникации России и Китая: трудности и пути решения. *Вестник СВФУ*. 2026;23(3): 188–198. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-3-188-198>

Original article

Features of intercultural communication between Russia and China: challenges or pathways to solution

Elena Yu. Safronova , **Li Junhong**

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation
 esafr@mail.ru

Abstract

The article examines the key features of intercultural communication between Russia and China in the context of intensifying educational, business and humanitarian contacts. The purpose of the study is to identify the most typical communication difficulties arising between Russian and Chinese participants in communication, as well as to determine ways to overcome them and explore possible solutions. It is shown that misunderstandings are formed not only at the lexical and grammatical level, but also in the realm of nonverbal semiotics, speech etiquette, and national notions of politeness. Particular attention is paid to differences in the interpretation of eye contact, smiles, pauses, forms of address, and the dichotomy of “directness versus saving face” (面子). The influence of Confucian values on negotiation strategies is analyzed: the Chinese focus on harmonizing relationships, hierarchy, and long-term trust (guanxi) often conflicts with the Russian emphasis on openness and quick results. Phonetic and phonological interference, pseudo-equivalents, and false associations that generate emotional tension in the classroom and everyday communication are examined separately, as well as the ethical inadmissibility of public criticism and hasty self-presentation in Chinese audiences. It is argued that the described differences are not an insurmountable barrier: with the targeted inclusion of a cultural-pragmatic component in language training, the development of metacommunication skills and the involvement of intercultural mediators, the zone of “turbulence” is transformed into a resource for mutual understanding and sustainable business partnership.

Keywords: intercultural communication, Russia, China, speech etiquette, nonverbal behavior, phonetic interference, communicative strategies, smile, pause, eye contact, addresses

Funding: No funding was received for writing this manuscript

For citation: Safronova E. Yu., Li Junhong. Features of intercultural communication between Russia and China: challenges or pathways to solution. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(3):188–198. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-3-188-198>

Введение

Российско-китайские отношения в XXI в. выходят далеко за рамки дипломатии и торговли: они включают академическую мобильность, трудовую миграцию, различные совместные проекты, цифровую коммуникацию и повседневное общение. Сюй Цидун называет их мультилатеральным сотрудничеством «на основе межгосударственных отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [1, с. 22]. В этих динамичных и постоянно развивающихся условиях знание языка само по себе уже не гарантирует успешного взаимодействия. Даже при хорошем уровне владения русским или китайским языками участники коммуникации сталкиваются с тем, что одинаковые речевые действия, интонации, жесты и способы выражения эмоций интерпретируются собеседниками по-разному.

В научном дискурсе последнего десятилетия увеличивается количество исследований, связанных как с общими проблемами межкультурной коммуникации России и Китая [1–5], так и с частными ее аспектами: социокультурным анализом переговоров с китайцами [6]; философскими основами китайских коммуникативных моделей и контекстуальным компонентом [7, 8]; спецификой коммуникативного поведения и невербальной коммуникации и этнокультурных барьеров [9–14]; особенностями делового дискурса китайскоязычных партнеров [5, 15], трудностям перевода [16, 17].

Межкультурная коммуникация между Россией и Китаем особенно показательна, поскольку здесь взаимодействуют две древние цивилизации с высоким уровнем символизации поведения. Для русской коммуникативной культуры в большей степени характерны прямота, эксплицитная оценочность, значимость личной искренности и сравнительно свободное чередование официального и неофициального регистров. Для китайской традиции заметнее ориентация на иерархию, гармонизацию отношений, сохранение делового имиджа и профессиональной репутации, большая обусловленность высказывания контекстом и осторожность в ситуациях потенциального конфликта [7, 18, 19]. П. В. Якупов, Н. С. Чижикова выделяют дихотомии этнокультурных барьеров, к которым относятся чрезмерная закрытость/открытость в коммуникации, стремление к вертикальной/горизонтальной структуре организации, синкретическое понимание временного пространства/четкое разделение временного пространства соответственно [14]. Отсюда возникает парадокс: один и тот же коммуникативный шаг в рамках коммуникативной ситуации может восприниматься, с одной стороны, как уважительный и естественный, а другой – как грубый, холодный, навязчивый или двусмысленный. Это обязательно необходимо учитывать в целях гармонизации межнационального общения. Кроме того, эти аспекты требуют особенной акцентуации в рамках языковой подготовки будущего профессионала-переводчика в рамках курса «Деловой иностранный язык».

Невербальные различия как источник недопонимания

Паралингвистические средства, жестикауляция, мимика, язык тела, физическая и социальная дистанция, одежда, такесика (прикосновения) выполняют в общении важную коммуникативную функцию; ученые говорят о преобладающем удельном весе невербалики, отводя ей от 65 до 93%. Есть специальные исследования межкультурной коммуникации в этом аспекте. Так, Цуй Чжэюань (Cui Zheyuan) рассматривал специфику жестов, поз и мимем в русской и китайской культурах, сравнивал их значение и употребление, а также отношение народа к ним [12].

Одним из самых важных параметров является зрительный контакт. В русской среде прямой взгляд нередко воспринимается как признак внимания, серьезности и уважения к собеседнику. Однако в китайской культуре слишком долгий или слишком прямой взгляд, особенно в асимметричной статусной ситуации, может быть воспринят как давление, вызов или нарушение комфортной дистанции. В бытовом объяснении это нередко формулируют упрощенно: «в России смотреть в глаза – значит уважать; в Китае слишком пристально смотреть – значит провоцировать». Хотя такая формула не охватывает всех ситуаций, она хорошо показывает различие коммуникативных ожиданий [3, 20].

Другим важным фактором является улыбка. В российской культуре публичная улыбка чаще связана с искренней симпатией, являясь свидетельством радости встречи, знаком особого расположения. В китайской культуре улыбка может выполнять функцию смягчения напряжения, сокрытия неловкости, стремления сохранить гармонию и не поставить партнера в неудобное положение. Поэтому

русскому собеседнику китайская улыбка иногда кажется неискренней, а китайскому собеседнику русская сдержанность кажется холодностью [18, 20].

Не менее значимы пауза и молчание. Русский деловой партнер может ожидать быстрого ответа и четкой позиции, тогда как для китайской стороны пауза нередко является способом обдумывания, уважительного согласования позиции или избегания преждевременного отказа. Интерпретация молчания как «неуверенности» или «неподготовленности» часто оказывается ошибочной. Здесь уместно упомянуть о контекстуальности культур Эдварда Холла, заключающейся в том, что для понимания сообщения в некоторых культурах (как в Китае) важнее контекст, а не только произнесенные слова [8]. Овладение культурно-языковым кодом изучаемого языка является важным условием компетентного участия в межкультурной коммуникации.

Различия речевого этикета и стратегий вежливости

Прежде всего важно понимать, что китайский этикет четко, жестко регламентирован. «Свод китайского этикета» (《中国礼仪全书》) детально прописывает все нюансы обращений, типы приветствий, которые различаются по своему содержанию и обстоятельствам употребления. Причем некоторые формы не имеют прямых эквивалентов в русском языке. Например, встреча в послеобеденное время при близком знакомстве начинается с фразы «吃了吗» «Поел(а)?», опуская начальное «Здравствуй!» или «Привет!». Подобный эллипсис вне зависимости от степени знакомства и близости контакта для русскоязычной аудитории невозможен. Также подробно детализирован и ритуализован обмен визитными карточками, проведение чайных церемоний, банкетов и т. д.

Еще одной областью потенциального коммуникативного риска являются формы обращения. В русской профессиональной среде значимы имя и отчество, особенно в официальном и академическом общении. Для китайских партнеров эта модель не всегда интуитивно понятна, поскольку китайская система обращения структурируется иначе: важны фамилия, должность, иерархический статус, принадлежность к организации. В Китае обращение к старшему по возрасту и должности предполагает вербальное выражение уважения: иероглиф 老 лао означает «старший» и «подчеркивает высокий статус человека» в обращениях 王老 «Ван Лао», 张老 «Чжан Лао» и др. В обращениях 李经理 «Директор Ли», 刘记者 «Журналист Лю», 罗老师 «Учитель Ло», 陈师傅 «Мастер Чен» акцентируется профессиональная принадлежность. «Китайское 老师 лаоши состоит из двух самостоятельных иероглифов – 老 и 师, где 老 лао подчеркивает именно статус человека, а не его возраст, 师 ши – имеет семантику «учитель, тот, кто преподает» [21]. Ошибки китайцев в выборе формы обращения редко ведут к открытому конфликту, но заметно влияют на восприятие степени уважения. Например, форма обращения «профессор Иванов» звучит уважительно для китайской стороны, но может показаться грубой, нетактичной для русских партнеров.

В целом на коммуникативные стратегии и тактики китайской речи огромное влияние оказало конфуцианство ценностей: уважение к старшим, гармония, коллективизм. Поэтому, например, переговоры строятся не на деловой, а на доверительной основе. Конфуцианские корни имеет и явление *гуанси* (关系, букв. «связи») – построение «отношений путем обмена подарками и распределения ресурсов через «личные контакты» [7]. Китайская пословица – «важнее то, с кем ты знаком, чем то, что ты знаешь» («知人重于知物») подчеркивает важность личных связей и ориентацию на выстраивание долгосрочных отношений, а не под влиянием сиюминутной выгоды.

Важно понимать, что «в Китае в понятии “переговоры” актуализируется компонент “толковать”, “разговаривать”, тогда как в русском языке на первый

план выходят семы "деловая цель", "обмен мнениями", "соглашение", "договор"» [15], т. е. для китайской стороны важнее процесс создания связей и доверительной атмосферы, а для русской – результат, быстрота его достижения и материальное воплощение договоренности.

Сам стиль общения представителей Поднебесной предполагает «неопределенность (речи должны быть расплывчаты и содержать минимум конкретики, потому что в будущем это дает некоторое преимущество), терпение (необходимо прежде всего заставить партнера раскрыть намерения, а самому не раскрываться, а заключив сделку, не торопиться исполнять прописанное и действовать по обстоятельствам), гибкость и компромисс (действие намного важнее истины, во время переговоров оставлять за собой поле для самостоятельного маневра)» [7]. Без понимания философии общения восточных людей русскоязычным коммуникантам сложно прийти к согласию, поскольку русский стиль часто противоположен: ориентация на диалог, открытость позиции, максимальную определенность, ожидание понимания, стратегия «побеждает сильнейший» и экономия времени («время – деньги») [7].

Соответственно существенные затруднения в межкультурной коммуникации вызывает *различное понимание прямых и косвенных способов речевого поведения, а также разная оценка уместности открытого выражения несогласия или критики*. В русской коммуникации запрос, замечание или критика часто формулируются относительно прямо. Такая прямота может не предполагать агрессии: напротив, она интерпретируется как честность, деловитость и экономия времени. Китайская коммуникативная традиция чаще использует обходные формулы, смягчители, намеки и контекстуальные сигналы, поскольку открытое несогласие способно нарушить гармонию и повлечь диффамационные риски, т.е. нанести урон деловой репутации. В китайском языке есть иероглиф 脸面 – дословно «сохранение лица», что означает совокупность репутации, общественного престижа, уважения со стороны окружающих и способности человека сохранять достоинство в социальной коммуникации. И наибольший коммуникативный риск в китайском языковом сознании – это именно «потеря лица», т. е. чувства собственного достоинства, репутации и престижа.

Концепт *мяньцзы* (面子 букв. «лицо/репутация») и «потеря» лица (丢面子/丢脸), аналогичная русской стратегии дискредитации деловой репутации и, если использовать юридический термин, диффамационному риску, является определяющим для китайской культуры, также уходит корнями в конфуцианство и достаточно изучен в научной литературе [18, 22].

Эти особенности коммуникативного поведения наиболее репрезентативны в ситуации отказа. В книге Ченг Минг-Джера «Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами» одна из глав носит название «Никогда не говори «нет», подчеркивая интенцию. Русский собеседник может сказать «нет» достаточно определенно, иногда даже без развернутого обоснования. Китайский партнер скорее прибегнет к неопределенным формулам: «надо подумать», «это не очень удобно», «посмотрим позднее». При отсутствии межкультурной подготовки русская сторона склонна воспринимать такие ответы как предварительное согласие, а китайская сторона – считать прямой отказ излишне жестким. «Учитывая особенности китайского способа ведения бизнес-переговоров, следует избегать так называемых «закрытых» вопросов, требующих однозначных ответов “да” / “нет”» [15].

Фонетические совпадения, псевдоэквиваленты и «опасные» ассоциации

Особый интерес представляет различие между китайской тоновой системой и русской интонационной организацией речи. В китайском языке четыре основных

тона выполняют смысловозначительную функцию, тогда как в русском языке подобной тоновой системы нет: значение слова не зависит от типа тона, а просодическая выразительность достигается за счет словесного ударения и семи интонационных конструкций. Вместе с тем в межкультурном восприятии возможны ложные ассоциации: китайский четвертый тон, имеющий падающий характер, может субъективно напоминать русским носителям резкую категоричную интонацию, а у китайских говорящих некоторые русские нисходящие интонационные контуры могут ассоциироваться с эмоциональным давлением, упреком или недовольством. Таким образом, потенциальное недопонимание возникает не из-за формального совпадения языковых систем, а из-за различий в интерпретации сходных просодических движений.

О. А. Леонтович выделяет коммуникативные помехи следующих видов: фонетико-фонологические, графические, морфологические, логические, синтаксические, текстовые [3].

Еще один аспект коммуникативной «зоны турбулентности» в русско-китайском деловом общении связан с фонетическими совпадениями. В российско-китайской аудитории хорошо известны ситуации, когда нейтральное слово одного языка вызывает у носителя другого языка нежелательную, смешную или даже обценную ассоциацию. Подобные случаи важны не потому, что они отражают словарное значение, а потому, что они воздействуют на эмоциональную реакцию говорящего и слушающего, создавая неловкие ситуации. В общем виде подобные эффекты могут рассматриваться как проявления межъязыковой фонетической интерференции [23].

Так, китайский слог *hui* в слове 会 («собрание», «конференции», «уметь», «встреча» в зависимости от контекста) при слуховом восприятии может напомнить русскоязычному собеседнику грубое обценное слово – название мужского детородного органа. Аналогичным образом такие выражения, как «соу-га» (搜嘎), встречающиеся в китайском интернет-дискурсе, воспринимаются китайскими носителями как непринужденный способ сказать «понятно» или «знаю»; однако при прямом переносе в русскоязычную среду они также могут вызывать неловкие ассоциации из-за фонетической близости к слову, обозначающему женскую особь собачьего вида млекопитающих. Подобные случаи не являются словарными эквивалентами, а представляют собой иллюстрации возможных ошибочных ассоциаций, возникающих на фоне различий фонетических систем.

Обратное недопонимание также встречается нередко. Разговорное русское слово «типа» обычно употребляется в значениях «типично», «как бы», «вроде», «по сути говоря» и относится к числу широко распространенных дискурсивных заполнителей; однако для китайского слухового восприятия его общее звучание очень близко к некоторым словам с оскорбительной окраской. Поэтому у носителей китайского языка оно способно вызывать выраженное негативное впечатление – по степени эмоциональной резкости примерно сопоставимое с тем, как в русском языке воспринимается грубое слово, обозначающее мужские гениталии.

Аналогичным образом русское слово «пока» представляет собой всего лишь повседневную форму прощания со значением «до свидания»; однако его звучание и графический облик могут ассоциироваться в китайской интернет-среде с выражением «坏蛋» («плохой человек», «негодяй»). По этой причине при первом контакте с китайцами, не владеющими русским языком, оно также иногда способно становиться источником ошибочной интерпретации.

Можно привести и больше подобных примеров. Так, широко употребляемое китайцами в разговорной речи слово «那个(naг)» нередко выполняет функцию высокочастотного слова-паузы и означает «то»; однако при быстром и слитном произнесении оно может быть ошибочно воспринято иностранцами, не знако-

мыми с китайским языком, как чувствительное или табуированное слово из других языков (nigger). В свою очередь, некоторые русские частицы и междометия, такие как «ой», «ну», «блин», также часто оказываются трудными для китайских изучающих русский язык, поскольку им непросто различить степень эмоциональной окраски, силу интонации и уровень вежливости подобных выражений. Все это показывает, что в межкультурной коммуникации наибольшую опасность представляет не ситуация «не понял», а ситуация «кажется, понял, но на самом деле ассоциация оказалась ошибочной».

Неязыковые барьеры: критика, похвала, границы делового общения и темп принятия решений

Во-первых, коммуникативные партнеры из России и Китая по-разному воспринимают категорию оценки. В русском общении допустимы эмоционально насыщенные высказывания: «это плохо», «так нельзя», «нужно переделать». Для китайского партнера такая открытая критика, особенно в присутствии третьих лиц, может означать публичное унижение. Например, в ситуации учебного занятия, т. е. публичного общения, нельзя вслух хвалить или открыто критиковать китайских студентов. Более продуктивной становится критика в приватном формате и с предварительным признанием положительных сторон работы [14, 22].

Во-вторых, различается отношение к комплименту и самопрезентации. В России умеренное принятие похвалы обычно считается нормальным. В Китае более типична стратегия самоуничижения или снижения собственной заслуги как знака скромности. Отметим, что китайские студенты более сдержанны в эмоциях, чем русские. Если русский преподаватель или руководитель ожидает прямого признания успеха, он может ошибочно принять китайскую реакцию за неуверенность.

В-третьих, различны ожидания по поводу границы между деловым и личным. В российской практике деловое общение может сравнительно быстро переходить в неформальный режим: обсуждение семьи, приглашение к совместному ужину, тосты, эмоциональные комментарии. В китайской культуре тоже важны неформальные связи, однако формирование доверия часто создается более длительно, поэтапно и иерархично. Поэтому одни и те же вопросы о возрасте, семье или доходе могут восприниматься либо как дружелюбие, либо как нарушение приватности – в зависимости от ситуации и статуса. Например, рассказ о семье на первом занятии для инофонов из Китая недопустим по этическим соображениям, поскольку будет восприниматься как давление со стороны преподавателя или потенциальная угроза, в то время как для представителей русского, итальянского, испанского этносов это вполне естественно.

В-четвертых, необходимо учитывать различие в темпе принятия решения. Русский партнер нередко ориентируется на более быстрое словесное согласие и последующую проработку деталей, обсуждение частных вопросов. Китайский партнер может дольше согласовывать позицию внутри группы, учитывая мнение руководства и последствия для отношений. Отсюда появляется ложное впечатление, что одна сторона «давит», а другая «тянет время» [7].

От барьеров – к взаимопониманию: практические шаги

Преодоление описанных барьеров требует системного подхода. Прежде всего, языковая подготовка современного специалиста должна включать не только овладение лексикой и грамматикой, но и культурно-прагматический компонент: типичные сценарии отказа, просьбы, несогласия, благодарности, ведения переговоров и публичной критики. В совместных российско-китайских проектах полезны краткие межкультурные брифинги перед началом работы: они позволяют заранее обсудить коммуникативные нормы адресации (формы обращения), формат обратной связи, режим принятия решений и допустимую степень прямоты [13].

Кроме того, важно развивать навык метакоммуникации, то есть умение обсуждать сам процесс общения. Фразы типа «правильно ли я понял вашу позицию?», «в нашей культуре это звучит довольно прямо, но не означает неуважения», «можно ли уточнить, является ли это согласием или пока только возможностью» помогают снизить риск ложной интерпретации [23].

При этом особое значение приобретает роль переводчика, преподавателя, куратора группы или межкультурного медиатора. Именно такой посредник способен объяснить, что пауза не равна отказу, улыбка не всегда означает веселье, а прямой взгляд не всегда является агрессией. Наконец, следует формировать толерантность к ситуации коммуникативной неоднозначности: различие культур не отменяет общих целей сотрудничества, а делает необходимым более высокий уровень внимания к форме общения.

Заключение

Таким образом, межкультурная коммуникация России и Китая имеет ряд особенностей, связанных с возможностью возникновения «ситуаций коммуникативной турбулентности», которые нужно учитывать. Такие ситуации возникают на стыке разных моделей вербальной и невербальной уместности, паттернов вежливости, фреймов, связанных с прямоотой и открытостью, а также ситуаций самопрезентаций и риска потери имиджа и деловой репутации. В межкультурной коммуникации наиболее уязвимыми аспектами являются зрительный контакт, улыбка, молчание, отказ, критика, формы обращения и межъязыковые фонетические ассоциации (табл.).

Таблица

Типичные зоны коммуникативного риска в российско-китайском общении

Table

Typical zones of communicative risks in Russian-Chinese communication

Сфера	Проявление различий	Практические рекомендации
Зрительный контакт	Русская сторона чаще ожидает прямого взгляда; китайская сторона может считать продолжительный открытый взгляд чрезмерным давлением.	Сохранять умеренный контакт глаз и учитывать статусную ситуацию. Лучше смотреть в зону шеи, чем прямо в глаза.
Отказ и несогласие	Русский отказ звучит прямее; китайский отказ часто маскируется смягчающими формулами.	Уточнять степень согласия и фиксировать решения письменно. Например, верно ли мы понимаем, что...?
Обращение	В России важны имя + отчество; в Китае – фамилия, должность и иерархия.	До начала работы согласовать предпочтительные формы обращения.
Фонетические ассоциации	Нейтральные слова одного языка могут вызывать у носителя другого языка нежелательные созвучия.	Предупреждать обучающихся о «ложно опасных» созвучиях и объяснять их контекст. Учить их заменять синонимичными конструкциями.
Пауза и молчание	Для китайской стороны пауза может быть проявлением уважения и обдумывания.	Не торопить давать ответ и задавать уточняющие вопросы.

Вместе с тем именно осознание этих различий открывает путь к решению проблемы. Чем лучше участники общения понимают не только чужой язык, но и чужую коммуникативную логику, тем выше вероятность доверия, точности интерпретации и устойчивого партнерства. Следовательно, российско-китайская межкультурная коммуникация – это не только зона трудностей, но и пространство профессионального и человеческого роста.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Сюй Ц. Российско-китайская межкультурная коммуникация в социокультурных контекстах Забайкальского трансграничья второй половины XX–начала XXI вв.: автореф. дис. ...к. культурологии. 2025:25.

Xu Qi. Russian-Chinese intercultural communication in the socio-cultural contexts of the Transbaikal cross-borderland region in the second half of the 20th – early 21st centuries: Summary of Candidate's dissertation (Cultural Studies). 2025:25 (in Russ.).

2. Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность = Intercultural communication in the Asia-Pacific region: past and present: XIV Всероссийская научная конференция молодых ученых (с международным участием): материалы конференции молодых ученых, Владивосток, 12-14 мая 2014 г. Владивосток: Дальнаука, 2014. URL: <https://www.prilib.ru/item/1960413> (дата обращения: 16.03.2026 г.)

Intercultural communication in the Asia-Pacific region: past and present: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference of Young Scientists (with international participation), Vladivostok, May 12–14, 2014. Vladivostok: Dalnauka; 2014. Available at: <https://www.prilib.ru/item/1960413> [Accessed 16 March 2026] (in Russ.).

3. Леонтович О.А. *Российско-китайская межкультурная коммуникация*. Волгоград: ПринТерра-Дизайн; 2023:189.

Leontovich OA. *Russian-Chinese intercultural communication*. Volgograd: PrinTerra-Dizain; 2023:189 (in Russ.).

4. Самошкина Я.С. Формирование межкультурной компетентности студентов в контексте образования для устойчивого развития: автореферат дис. ... к. п. н. Улан-Удэ; 2022:24.

Samoshkina YaS. Formation of students' intercultural competence in the context of education for sustainable development. Summary of Candidate's dissertation (Pedagogy). Ulan-Ude; 2022:24 (in Russ.).

5. Е Цзы. Специфика российско-китайских межкультурных коммуникаций. *Современный ученый*. 2025;(6):23-30.

Ye Zi. The specifics of Russian-Chinese intercultural communications. *Modern Scientist*. 2025;(6):23-30 (in Russ.).

6. Ли Л., Чжан М. *Переговоры с китайцами: социокультурный анализ*. Москва: Рутледж; 2017:23-40.

Li L, Zhang M. *Negotiations with the Chinese: a sociocultural analysis*. Moscow: Routledge; 2017:23-40 (in Russ.).

7. Игнатенко А.В., Чуриков П.С. Особенности межкультурной коммуникации между деловыми сообществами России и Китая. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024;(2):39-46.

Ignatenko AV, Churikov PS. Features of intercultural communication between the business communities of Russia and China. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024;(2):39-46 (in Russ.).

8. Андрианова О.А. Контекстная культурная составляющая во взаимодействии с восточными партнерами в деловой коммуникации. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2022;4(4):86-94.

Andrianova OA. Contextual component in cross-cultural business interaction with Asian partners. *Discourse of Professional Communication*. 2022;4(4):86-94 (in Russ.).

9. Хань Т. Особенности коммуникативного поведения китайцев в сфере делового общения. *Русский язык за рубежом*. 2010;223(9):65-67.

Han T. Features of communicative behavior in Chinese business communication. *Russian Language Abroad*. 2010;223(9):65-67 (in Russ.).

10. Лю В.Ц. Категория вежливости в русском и китайском общении. *Коммуникативные исследования*. Благовещенск: Истоки; 2003;17:149-158.

Liu WT. The category of politeness in Russian and Chinese communication. *Communicative Studies*. Blagoveshchensk: Istoki; 2003;17:149-158 (in Russ.).

11. Чжан Ш. Культурологическое исследование различий между стереотипами русского и китайского речевого этикета. *Педагогический журнал*. 2024;24(6A):67-75.

Zhang S. A Cultural Study on the Differences between Stereotypes of Russian and Chinese Speech Etiquette. *Pedagogical Journal*. 2024;24(6A):67-75 (in Russ.).

12. Цуй Чж. Сходства и различия паралингвистической коммуникации носителей китайского и русского языков: магистерская диссертация, МГУ, 2016. URL: <https://istina.fncrr.ru/diplomas/22186762/> (дата обращения: 16.03.2026 г.)

Cui Z. Similarities and differences of paralinguistic communication of chinese and Russian speakers. Master's Dissertation, Lomonosov Moscow State University: 2016. Available at: <https://istina.fncrr.ru/diplomas/22186762/> [Accessed 16 March 2026] (in Russ.).

13. Васильева Е.Д., Лебедева Н.М. Опыт изучения российско-китайской межкультурной коммуникации: обзор исследований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020;17(1):51-63.

Vasilyeva ED, Lebedeva NM. Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2020;17(1):51-63 (in Russ.).

14. Якупов П.В., Чижилова Н.С. Практические рекомендации по преодолению этнокультурных барьеров в коммуникации между представителями русского и китайского этноса. *Вестник университета*. 2017;(7-8):199-204.

Yakupov PV, Chizhikova NS. Practical recommendations for overcoming ethnocultural barriers in communication between representatives of Russian and Chinese ethnos. *Vestnik universiteta*. 2017;(7-8):199-204 (in Russ.).

15. Бычихина О.В. Анализ основных коммуникативных моделей российского и китайского бизнес-дискурсов. *Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та*. 2014;21(5):158-166.

Bychikhina OV. Analysis of the main communicative models of Russian and Chinese business discourses. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014;21(5):158-166 (in Russ.).

16. Волков К.В. Трансформационный аспект лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского переводов: дис. ... к. филол. н. Москва; 2021:235.

Volkov KV. Transformational aspect of linguotypological and linguocultural problems in Chinese-Russian translation. Candidate's dissertation (Philology). Moscow; 2021:235 (in Russ.).

17. Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник научных статей. Вып. 23. Дискурсивные и лингвокультурологические аспекты. Государственный университет просвещения. Москва; 2022:605.

Problems of linguistics and intercultural communication: summary of scientific articles. Issue 23. Discursive and Linguocultural Aspects. State University of Education. Moscow; 2022:605 (in Russ.).

18. Hall ET. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books; 1976:320.

19. Hofstede G, Hofstede GJ, Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 3rd ed. New York: McGraw-Hill; 2010:576.

20. Pang HT, Zhou X, Chu M. Cross-cultural Differences in Using Nonverbal Behaviors to Identify Indirect Replies. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2024;48(2):323-344.

21. Ting-Toomey S. The Matrix of Face: An Updated Face-Negotiation Theory. Theorizing about Intercultural Communication / ed. by W.B. Gudykunst. Thousand Oaks: Sage; 2005:71-92.

22. Трубач О.К., Горшкова Д.И., Скляр Л.Н. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков. *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023;14(1):169-188.

Trubach OK, Gorshkova DI, Sklyar LN. Comparative Analysis of Phonetic Systems of the Russian, French and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;14(1):169-188 (in Russ.).

23. Hwang K.-K. Face and Favor: The Chinese Power Game. *American Journal of Sociology*. 1987;92(4):944-974.

Сведение об авторах / About the authors

САФРОНОВА Елена Юрьевна – д. филол. н., доцент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7245-9174>, e-mail: esafr@mail.ru

Elena Yu. SAFRONOVA – Doct. Sci. (Philology), Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7245-9174>, e-mail: esafr@mail.ru

ЛИ Цзюньхун – магистрант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», e-mail: 184074980@qq.com

LI Junhong – Master's Student, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, e-mail: 184074980@qq.com

Вклад авторов / Authors' contribution

Сафронова Е. Ю. – разработка концепции, верификация данных, подготовка и создание черновика рукописи, комментирование

Safronova E. Yu. – conceptualization, writing - original draft, writing - review & editing.

Ли Цзюньхун – сбор данных, ресурсное обеспечение исследования, подготовка и создание черновика рукописи

Li Junhong – investigation, data curation, writing - original draft

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 27.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.05.2026

Принята к публикации / Accepted 06.06.2026